

Но с первого взгляда было ясно, что этот человек — отнюдь не простой торговец или разносчик.

Цзи Цинбай нахмурился, его взгляд упал на меч у пояса незнакомца. Видя, что тот не двигается, он подумал мгновение, затем поднялся и встал перед маленькими монахами-послушниками. Сложив ладони вместе, он произнес «Амитофо» и спокойно сказал:

— Этот бедный монах — настоятель храма Туошань. Сегодня я привел учеников в горы собирать травы, не ожидал, что потревожу дарителя, прошу проявить великодушие.

Великан прищурился, оглядел его одежду, поколебался мгновение, затем убрал руку с рукояти меча, сложил ладони в приветственном жесте и сказал:

— Мы сопровождаем нашего господина в Чаолин, но столкнулись с некоторыми неприятностями, потому и зашли в эти горы.

Затем он снова взглянул на Цзи Цинбая, и вдруг на его лице появилась улыбка.

— Раз уж настоятель — глава храма Туошань, не могли бы вы оказать мне одну услугу?

Цзи Цинбай не слишком хотел ввязываться в неприятности. Противник с первого взгляда был не из доброжелательных, а с ним столько детей. Если что-то случится...

К сожалению, то, о чем он подумал, противник тоже учел. Великан, казалось, не собирался принимать отказ. Он поднес два пальца ко рту, свистнул, и в мгновение ока перед ними появилось более двадцати человек, также вооруженных мечами.

Маленькие послушники все же были детьми. Трусливые тут же обступили Цзи Цинбая, словно цыплята вокруг наседки.

Великан слегка наклонился, сохраняя почтительное отношение.

— Прошу, настоятель.

Цзи Цинбай стиснул зубы и мог лишь неохотно последовать за ним.

Примерно за время, не достаточное для сгорания половины благовония, Цзи Цинбая привели к повозке.

Никто больше не говорил с ним. Великан стоял рядом, приподнял занавеску повозки и знаком предложил войти.

Цзи Цинбай не понимал, что происходит, но мог лишь согнуться и залезть внутрь.

Снаружи повозка выглядела просто и скромно, но внутри оказалось совершенно иное пространство. Внутри витал запах лекарств, и пространство было разделено на две части. Снаружи имелись стол, стулья, чайный столик — все необходимое. За дверью, похожей на ширму, Цзи Цинбай услышал несколько кашляющих звуков. Кашлял Будда-Почтенный.

Из внутренней комнаты вышел человек. Подняв голову, Цзи Цинбай удивленно широко раскрыл глаза.

— Монах? — Тот человек был еще более удивлен, чем он, понизив голос, сердито сказал:

— Что за чертовщину затеял Фан Чи? Как он тебя нашел?

Цзи Цинбай все еще ошеломленно смотрел на лицо того человека, не в силах прийти в себя. Тот, вероятно, презирая его замершую нерешительность, махнул рукой и с досадой сказал:

— Ладно, выглядишь достаточно чистым.

Без лишних слов он шагнул вперед, схватил Цзи Цинбая и втащил его за ширму. Цзи Цинбай наконец разглядел человека, лежащего на кровати.

— Смотри внимательно, не пялься куда попало, — тот человек прижал его, заставив встать на колени у кровати, и, кажется, только тогда вспомнил добавить:

— Моя скромная фамилия Лу, имя Чаншэн, я лекарь при этом семействе.

Сказав это, он больше не стал разговаривать, осторожно протянул руку, чтобы помочь подняться лежащему на кровати.

Цзи Цинбай подумал, что это, должно быть, какая-то судьба.

Он помнил, что в прошлой жизни, когда Тань Чжан умер, Лу Чаншэн был еще жив, в конце концов мирно удалился от дел, вернулся на родину и доживал свой век в покое.

Не ожидал, что в этой жизни врач Лу снова занялся своим старым ремеслом, и тот, кому он служит, тоже не изменился.

Цзи Цинбай снова посмотрел на человека, лежащего на кровати.

Это лицо... слишком молодое. Возможно, ему даже нет двадцати лет. Цзи Цинбай подумал о своем возрасте в этой жизни, и его настроение стало сложным.

Такая судьба, что они могли бы быть отцом и сыном, разве должны быть какие-то любовные муки, которые нужно преодолевать?

Лу Чаншэн, видя, что он не двигается, нахмурился, но боясь потревожить человека в бессознательном состоянии, тихо поторопил:

— Чего застыл? Иди сюда!

Цзи Цинбай очнулся, прополз вперед на коленях несколько шагов и приблизился к кровати.

Облик Будды-Почтенного не изменился, все то же лицо, способное померкнуть краскам шести миров, однако красный лотос родимого пятна под глазом исчез. Сейчас юный Будда-Почтенный слегка прикрыл глаза, на его лице была нездоровая бледность, губы посинели.

— О? — Цзи Цинбай разглядел. — Яд вечной страсти?

Сердце Лу Чаншэна екнуло.

— Ты знаешь этот яд?

Цзи Цинбай многозначительно взглянул на него, подумав, что в прошлой жизни ты давал мне лекарства, которые я тоже знал.

— Ваш молодой господин ранен стрелой, — Цзи Цинбай скользнул взглядом по плечу юноши.
— На стреле был яд?

Выражение лица Лу Чаншэна стало сложным. Он не ожидал, что деревенский монах из гор может знать так много. Стиснув зубы, он кивнул.

Цзи Цинбай приподнял бровь, поняв.

Яд вечной страсти — не просто яд, который легко вывести. Это еще и смертельный афродизиак. Отравленный должен в течение двух часов вступить в связь с женщиной, и затем в течение года каждые семь дней искать мужчину для облегчения. Поистине унижительный и убийственный редкий яд.

Неудивительно, что в глухих горах и диких лесах нашли его, незнакомого монаха, для решения дела. Эти люди, скорее всего, собирались после того, как он решит их насущную проблему, отправить его на запад.

Должно быть, это тоже была воля самого Будды-Почтенного, с головной болью подумал Цзи Цинбай. Это как в прошлой жизни — пренебрежение человеческой жизнью, кровожадный характер, что же с этим делать...

Лу Чаншэн, вероятно, тоже осознал, что Цзи Цинбай уже почти все понял, и на какое-то время обоим стало неловко сидеть друг напротив друга.

Хоть словами это не было выражено, но совершенно очевидно, что тебя схватили, чтобы утолить похоть, а в конце еще и собираются убить — такое стечение обстоятельств вряд ли кто-то сможет принять.

Но монах казался очень спокойным.

Цзи Цинбай сложил ладони вместе, произнес «Амитофо», улыбнулся Лу Чаншэну и сказал:

— Будда сказал: «Если не я, то кто же?» Этот яд, даритель, бедный монах может изгнать.

Лу Чаншэн помолчал.

— Но этот яд страсти...

Цзи Цинбай покачал головой.

— Можно изгнать и без связи с женщиной.

Шутка ли, хотя нисхождение божества в нижний мир ограничивает силу, он уже не был в состоянии неустойчивости души, как в прошлой жизни. Хоть и не мог воскрешать мертвых, но изгнать яд — действительно не такая уж сложная задача.

Лу Чаншэн сомневался, но видя такую уверенность Цзи Цинбая, все же помог подняться своему господину.

Цзи Цинбай достал из-за пояса маленькую пилюлю, сделанную не только из ста трав, но и смешанную с его собственной силой, и положил ее в рот юноше.

— Это лекарство может изгнать яд только один раз, и сейчас у бедного монаха есть только одна пилюля, — сказав это, Цзи Цинбай сделал паузу, сложил ладони и тихо произнес:

— Храм Туошань хоть и мал, но может принять гостей. Если вы, почтенные, не сочтете за труд, надеюсь, вы переберетесь в храм и задержитесь на некоторое время, чтобы дать бедному монаху время приготовить лекарство.

Лу Чаншэн не был уверен в решении, но увидев, что после приема лекарства пульс его господина, ранее неровный и возбужденный, стабилизировался, с большим удивлением посмотрел на Цзи Цинбая.

Лу Чаншэн от природы был одержим лекарствами, считал свое врачебное искусство непревзойденным в мире. Независимо от того, готовил ли он яды или лекарства, он мог заставить человека страдать хуже смерти, а также мог чудесным образом вернуть к жизни. Теперь, увидев человека, способного изгнать яд вечной страсти, как же его сердце не могло зачесаться?

Однако Лу Чаншэн считал себя благородным мужем и не стал бы принуждать человека раскрыть рецепт лекарства.

— Может, настоятель подождет немного, — подумав, Лу Чаншэн искренне сказал. — Подождем, пока мой молодой господин очнется, тогда и решим, не поздно будет.

Бо Цзин с группой детей ждал снаружи повозки, выглядел и испуганным, и тревожным, все вытягивали шеи, пытаясь заглянуть внутрь, но Фан Чи преграждал им путь.

— Когда наш настоятель выйдет? — осмелился спросить Бо Цзин.

Он был похож на того длинношеего лысого цыпленка. Фан Чи бросил на него взгляд и небрежно ответил:

— Скоро.

Бо Цзин надул щеки, не очень ему веря.

Со стороны повозки донесся шум. Оказалось, это Лу Чаншэн спускался. Фан Чи снова схватился за рукоять меча, но увидел, как лекарь махнул рукой.

Он быстро подошел, Лу Чаншэн что-то прошептал ему на ухо.

— Молодой господин очнулся? — прищурившись, спросил Фан Чи.

Лу Чаншэн покачал головой.

— Пока еще нет. Тот монах ждет в наружной комнате. Как только молодой господин очнется, убить или казнить — дело одного слова.

Фан Чи нахмурился.

— Но противоядие...

— Храм Туошань совсем рядом. У него не одна такая пилюля, можно обыскать, — Лу Чаншэн сделал паузу и, казалось, проявил некоторую нерешительность. — Характер молодого господина нам с тобой известен. Разве он согласится быть под контролем из-за какого-то лекарства? Этому монаху просто не повезло с судьбой.

Фан Чи помолчал немного, оглядел кругом маленьких послушников, пошевелил губами, но

ничего не сказал.

Лу Чаншэн похлопал его по плечу, равнодушно сказав:

— Молодой господин никогда не проявляет мягкости.

Цзи Цинбай сидел в наружной комнате, через ширму все же не было четко видно, что происходит внутри.

Лу Чаншэн сопровождал его, пили чай. На резном чайном столике из корня дерева стояли нефритовые чашки, аромат чая разливался вокруг, легкий дымок поднимался вверх.

Цзи Цинбаю Лу Чаншэн действительно не казался незнакомцем, он заводил разговор без повода, Лу Чаншэн в душе удивлялся, почему этот монах совсем не стесняется, смотрит на него так, будто видит старого знакомого, и всегда задает какие-то непонятные вопросы.

— Врач Лу, обзавелся ли семьей? — спросил Цзи Цинбай.

Лу Чаншэн поперхнулся чаем, прикрыл рот, кашляя, пробормотал:

— Еще нет...

<http://bllate.org/book/15582/1387624>